

DOI: 10.31696/S086919080038458-0

ЖЕНСКИЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ-ОРАНТЫ КАК ФЕНОМЕН
«НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ» В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ЕГИПТЕ¹

© 2026

О.А. ВАСИЛЬЕВА ^{a, b}, О.А. ДАВЫДОВА ^c^a – Институт всеобщей истории РАН, научный коллектив
по проекту РНФ 24-18-00378, Москва, Россия^b – ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, Россия^c – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0002-5101-458X; olga.vassilieva@arts-museum.ru^c – ORCID: 0009-0003-7593-5310; davydova.olga96@mail.ru

Резюме: В статье впервые публикуется семь терракотовых статуэток так называемых орант (две целых и пять фрагментированных), которые хранятся в запаснике Отдела древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина; памятники происходят из собрания В.С. Голенищева и были куплены им в Египте в 1880–1890-х гг. Цель статьи – показать на этом материале некоторые аспекты верований V–VII вв. н.э., когда в Египте происходил постепенный переход к христианству, но продолжали сохраняться старые религиозные практики. Терракотовые статуэтки можно считать достаточно репрезентативными для нашей цели, поскольку они являются предметами массового производства и были доступны простому народу. Женские статуэтки разных типов свидетельствуют об устойчивости древних религиозных традиций и культовых практик, их способности к адаптации в условиях постепенной религиозной трансформации и переходу к христианству. Статуэтки-оранты (с воздетыми вверх руками) по своему назначению и иконографии могут восходить к более ранним типам – женским фигуркам-апопропеям II–III вв. Эти так называемые благие божества, охраняющие женщину и ее потомство, продолжают существовать уже в христианском контексте. Они бытовали, как правило, в качестве votivных приношений, однако нельзя исключить многофункциональность данных предметов: их обнаруживают как в сакральном, так и в домашнем контексте. Особенно много подобных статуэток найдено в раннехристианских религиозных центрах, самыми крупными из которых были монастыри в Абу-Мине, Среднем Египте и на Элефантине. Статуэтки свидетельствуют о зарождающейся практике женского паломничества с целью обращения к конкретному святому с просьбой об исцелении и благополучном материнстве. Судя по технологии производства и иконографии (тип оранты с треугольным головным убором), статуэтки из собрания ГМИИ относятся к продукции мастерских, располагавшихся в Асуане, включая Элефантину; только одна, возможно, происходит из Фаюма.

Ключевые слова: Византийский Египет, Римский Египет, терракоты, народная религия, раннехристианское паломничество, votivные приношения, статуэтки-оранты, египетская коллекция ГМИИ им. А.С. Пушкина, В.С. Голенищев

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>

The research is sponsored by the grant No. 24-18-00378 of the Russian Science Foundation “The Origin and the Contents of the Late Antique and Medieval Picture of the Near Eastern and Aegean Past in the Earliest (pre-Achaemenid) Period”, <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>

Для цитирования: Васильева О.А., Давыдова О.А. Женские терракотовые статуэтки-оранты как феномен «народной религии» в позднеантичном Египте. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. Рр. 222–240. DOI: 10.31696/S086919080038458-0

FEMALE TERRACOTTA FIGURINES IN THE ORANS POSTURE AS A PHENOMENON OF “POPULAR RELIGION” IN LATE ANTIQUE EGYPT

© 2026

Olga A. VASILYEVA ^{a,b}, Olga A. DAVYDOVA ^c

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
research team for the RSF project 24-18-00378, Moscow, Russia

^b – Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

^c – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{a,b} – ORCID: 0000-0002-5101-458X; olga.vassilieva@arts-museum.ru

^c – ORCID: 0009-0003-7593-5310; davydova.olga96@mail.ru

Abstract: The article publishes seven terracotta standing female figurines in the orans posture, kept in the reserve collection of the Department of the Ancient Orient at the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow. The objects come from the collection of V.S. Golenishchev and were purchased by him in Egypt in the 1880s–1890s. The aim of the article is to use this material to highlight certain aspects of beliefs in the 5th–7th centuries A.D., a period when Egypt was undergoing a gradual transition to Christianity while older religious practices continued to persist. Female figurines of various types were mass-produced and attested to the resilience of ancient religious traditions and cultic practices, and their capacity for adaptation during a gradual religious transformation and the shift toward Christianity. The figurines' orans posture (with raised hands), by virtue of their function and iconography, can be traced back to earlier types – female apotropaic figurines of the 2nd–3rd centuries A.D. They generally functioned as votive offerings, although they were found in both sacred and domestic contexts. Particularly large numbers of the figurines have been discovered in early Christian religious centers, including the monasteries at Abu Mina, Elephantine, and Middle Egypt. The figurines testify to an emerging practice of female pilgrimage aimed at appealing to a specific saint for healing and for successful motherhood. The production technology and iconography (the type with a triangular headdress) of the Pushkin Museum figurines indicate the Aswan-Elephantine origin; only one possibly originates from Fayum.

Keywords: Byzantine Egypt, Roman Egypt, terracotta figurines, popular religion, early Christian pilgrimage, votive offerings, female figurines in the orans posture, Egyptian collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, V. Golenishchev

For citation: Vasilyeva O.A., Davydova O.A. Female Terracotta Figurines in the Orans Posture as a Phenomenon of “Popular Religion” in Late Antique Egypt. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Рр. 222–240. DOI: 10.31696/S086919080038458-0

В литературе последних десятилетий отмечается усиление интереса к памятникам позднеантичного и христианского Египта, в частности, тем, в которых нашла свое отражение *народная религия*². Исследователи кардинально пересматривают свое отношение к

² Еще в 1979 г. Ф. Дюнан опубликовала терракоты из Каирского музея именно под этим заголовком [Dunand, 1979].

различным объектам материальной культуры позднеримского и византийского (коптского) Египта. Многие памятники массового производства (в их числе – терракотовые статуэтки), раньше считавшиеся упадочническими и уродливыми, поскольку относились к позднему периоду древней истории Египта, теперь активно изучаются как маркеры переходной эпохи³. Массовые объекты, мелкие и незначительные предметы как нельзя лучше отражают «народные верования» позднеантичного Египта и являются свидетельством функционирования обрядовых систем в эпоху трансформации одной религиозной реальности в другую.

Цель статьи – показать на материале публикуемых впервые памятников ГМИИ им. А.С. Пушкина некоторые аспекты таких верований V–VII вв. н.э., когда в Египте происходил постепенный переход к христианству и в то же время сохранялись старые религиозные практики. Достаточно репрезентативными в данном случае могут считаться терракотовые статуэтки – предметы массового производства, сделанные из дешевого материала и доступные простому народу.

КАТАЛОГ⁴

1. Инв. № I, 1а 2862 (ИГ 4302). Статуэтка оранты в треугольном головном уборе (рис. 1)⁵

Место изготовления: предположительно, асуанско-элефантинский регион.

Датировка: VI–VII вв.

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: целая, небольшие сколы и потертости поверхности.

Размеры: высота 11,7 см, максимальная ширина 5,2 см, максимальная толщина 4,4 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; лицевая сторона рельефная, со слабой проработкой деталей, оттиск низкого качества; задняя сторона гладкая, по влажной глине прочерчено изображение пальмового листа; два сквозных отверстия диаметром 2 мм проколоты до обжига по бокам головного убора.

Материал: глина каолинистая тонкая плотная бежево-оранжевая (5.5YR7/6), с небольшой примесью слюды, кварцевого песка, железистых окислов, белого и черного камня и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: желтовато-белый ангоб (2.5Y8/2), роспись темно-коричневой (10YR3/1) и красной (10R4/4) краской на лицевой стороне.

Обжиг: равномерный окислительный.

Аналоги: [Bailey, 2008, no. 3392–3393 (Оксиринх); Weber, 1914, Taf. 23.235–236; Ballet, Mahmoud, 1987, pl. XIV, doc. 13 (Элефантина)].

2. Инв. № I, 1а 2861 (ИГ 3111). Статуэтка оранты в треугольном головном уборе (рис. 2)

Место изготовления: асуанско-элефантинский регион.

Датировка: V–VII вв.

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: утрачена часть головного убора и частично левая рука, сколы на нижней части статуэтки, сколы, потертости и загрязнения поверхности.

³ Ссылки см.: [Васильева, 2025].

⁴ Технологические описание предметов, анализ и атрибуция гончарных глин выполнены к.и.н., с.н.с. ИВ РАН С.Е. Малых.

⁵ Рис. 1–7 см. на цветной вклейке.

Размеры: высота 14 см, максимальная ширина 6,2 см, максимальная толщина 5,2 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; лицевая сторона рельефная, со слабой проработкой деталей, оттиск низкого качества; задняя сторона гладкая; три сквозных отверстия диаметром 2 мм проколоты до обжига в центре верхней части и по бокам головного убора.

Материал: глина каолинитовая средне-тонкая плотная розовато-бежевая (5YR7/4), со средним количеством кварцевого песка и железистых окислов, небольшой примесью серого камня и растительных частиц, редкими включениями слюды.

Способ отделки внешней поверхности: роспись темно-коричневой (5YR3/1) и красной (2.5YR5/6) краской на лицевой стороне.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: на задней стороне надпись черными чернилами на древнегреческом языке, предварительно можно разобрать лишь отдельные буквы и их сочетания «М... του... ρок... εν... Κου...»⁶.

Аналогии: [Bailey, 2008, no. 3391 (Антинополь); Alliot, 1933, pl. XV.6 (Эдфу), Polaczek-Zdanowicz, 1974, Kat. Nr. 1 (Эдфу); Ballet, 1991, p. 501 (матрица – Элефантина; статуэтка – Эдфу)].

3. Инв. № I, 1а 2819 (ИГ 3062). Голова статуэтки оранты (рис. 3)

Место изготовления: асуанско-элефантинский регион.

Датировка: VI–VII вв.

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: сохранилась только голова, многочисленные сколы на лицевой и задней сторонах.

Размеры: высота сохранившейся части 6,0 см, ширина 5,6 см, толщина 2,9 см

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; качество оттиска определить невозможно из-за многочисленных утрат; три сквозных отверстия диаметром 3–4 мм проколоты до обжига в центре верхней части и по бокам головного убора.

Материал: глина каолинитовая средне-тонкая плотная розовато-бежевая (5YR7/3), местами бежевая (7.5YR7/3), со средним количеством кварцевого песка, железистых окислов и растительных частиц, небольшой примесью черного и белого камня и оранжевого шамота, редкими включениями слюды.

Способ отделки внешней поверхности: темно-бежевый ангоб (10YR6/4), роспись темно-коричневой (2.5YR3/1, 2.5YR3/2) краской на лицевой стороне.

Обжиг: равномерный окислительный.

Аналогии: [Bailey, 2008, no. 3396–3397; Strzygowski, 1904, no. 7132 (Ком Эшкав, Афродито)].

4. Инв. № I, 1а 2817 (ИГ 6132). Статуэтка оранты⁷ (рис. 4)

Место изготовления: асуанско-элефантинский регион.

Датировка: VI–VII вв.

⁶ В монастыре Абу-Мина найдены две грубо трактованные фигурки обнаженных женщин; у каждой на животе и на спине написано слово *Phib*, что предположительно указывает на провенанс из часовни святых-целителей Фиба и Аполлона в Арсиноэ [Frankfurter, 2015, p. 207–210, Perdrizet, 1921, p. 5–6, Bayer-Niemeier, 1988, S. 147–148, 262]. Аналогий с подписанными фигурками не найдено (в отличие от молитвенных инвокаций на амулах св. Мины, светильниках и различных филактериях: [Papaconstantinou, 2001, p. 258–259; Bailey 2008, p. 110–111]).

⁷ В музейном инвентаре обозначена как «фигурка “пунической Афродиты”».

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: сохранилось только тело, голова и руки утрачены, нижняя часть задней стороны частично отбита, сколы и потертости поверхности.

Размеры: высота сохранившейся части 7,3 см, ширина 4,8 см, толщина 2,2 см

Способ изготовления: оттиск в односторонней форме, долепка деталей.

Материал: глина каолинитовая средне-тонкая плотная бежевая (7.5YR7/3), с большим количеством кварцевого песка, средним количеством железистых окислов, небольшой примесью растительных частиц, коричневого и оранжевого шамота.

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание, темно-бежевый ангоб (10YR6/4), роспись темно-коричневой (2.5YR3/1) и красной (2.5YR5/6) краской на лицевой стороне.

Обжиг: равномерный окислительный.

Аналоги: [Polaczek-Zdanowicz, 1974, Kat. Nr. 2–3 (Эдфу)].

5. Инв. № I, 1а 2815 (ИГ 3063). Голова статуэтки оранты (рис. 5)

Место изготовления: Асуанско-элефантинский регион.

Датировка: VI–VII вв.

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: сохранилась только голова, трещины, сколы и потертости поверхности.

Размеры: высота сохранившейся части 7,2 см, ширина 5,5 см, толщина 2,8 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; лицевая сторона рельефная, со слабой проработкой деталей, оттиск низкого качества; задняя сторона гладкая; три сквозных отверстия диаметром 3 мм проколоты до обжига в верхней части и по бокам головного убора

Материал: глина каолинитовая средне-тонкая плотная розовая (2.5YR6/4), со средним количеством кварцевого песка, белого и черного камня, темно-розового шамота, небольшой примесью слюды и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: без отделки.

Обжиг: равномерный окислительный.

Аналоги: [Bailey, 2008, no. 3396–3397; Strzygowski, 1904, no. 7132 (Ком Эшкав, Афродито); Caputo, 2024, p. 43, fig. 6, no. 3–4, 7 (эль-Ашмунейн), Polaczek-Zdanowicz, 1974, Kat. Nr. 20, 23 (Эдфу)].

6. Инв. № I, 1а 2816 (ИГ 3064). Голова статуэтки оранты (рис. 6)

Место изготовления: асуанско-элефантинский регион.

Датировка: VI–VII вв.

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: сохранилась только голова, сколы, потертости и загрязнения поверхности.

Размеры: высота сохранившейся части 7,9 см, ширина 5,7 см, толщина 3,3 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; соединительные швы по бокам подрезаны и заглажены; лицевая сторона рельефная, со слабой проработкой деталей, оттиск низкого качества; задняя сторона гладкая; три сквозных отверстия диаметром 3–4 мм проколоты до обжига в центре верхней части и по бокам головного убора.

Материал: глина каолинитовая средне-тонкая плотная розовая (2.5YR6/4), с большим количеством кварцевого песка, небольшой примесью оранжевого шамота и растительных частиц, редкими включениями слюды.

Способ отделки внешней поверхности: бежевый ангоб (7.5YR7/4), роспись темно-коричневой (7.5YR4/1) краской на лицевой стороне.

Обжиг: равномерный окислительный.

Аналоги: [Bailey, 2008, no. 3396–3397; Strzygowski, 1904, no. 7132 (Ком Эшкав, Афродито); Caputo, 2024, p. 43, fig. 6, no. 3–4, 7 (эль-Ашмунейн)].

7. Инв. № I, 1a 2820 (ИГ 3072). Голова статуэтки оранты (рис. 7)

Место изготовления: Фаюм или Средний Египет.

Датировка: VI–VII вв.

Происхождение: неизвестно; куплена в Египте.

Сохранность: сохранилась только голова, сколы, потертости и загрязнения поверхности.

Размеры: высота сохранившейся части 7,3 см, ширина 4,8 см, толщина 2,3 см.

Способ изготовления: ручная лепка.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная темно-коричневая (5YR4/4), со средним количеством слюды и измельченных костей животных, небольшой примесью кварцевого песка и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: молочно-белый ангоб (5Y8/1), роспись коричневой (2.5YR3/4) краской на лицевой стороне.

Обжиг: неравномерный окислительный.

Аналоги: [Weber, 1914, S. 151, Abb. 89, Taf. 23.231a (Фаюм); Falck, 1996, Kat. 124a; Philipp, 1972, S. 33, 53, Abb. 47a–b, Kat. Nr. 50 (предположительно Абидос); Petrie 1905. Pl. LII.135 (VII, VIIa) (Гераклеополь); ср. Incordino, 2022, p. 229, fig. 8 (Антинополь); Wilfong, 1997, p. 74, fig. 12 (Каранис)].

ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ

Две статуэтки из обожженной глины изображают так называемых *орант* – сильно стилизованные женские фигурки с поднятыми вверх руками (инв. № I, 1a 2861, 2862). Фигурки облачены в длинное платье, расширяющееся книзу, на котором показаны вертикальные полосы и круглые вставки на груди⁸, на шее ожерелье и цветочная гирлянда. Примечательной чертой является высокий треугольный головной убор, украшенный полосами и рельефными кружочками. Сохранность статуэток удовлетворительная, присутствуют только небольшие сколы. Статуэтки пустотелые, некогда ярко раскрашенные; в настоящее время сохранились следы черной и красной краски, причем на фигурке I, 1a 2862 – поверхность белой обмазки-грунтовки. На спине статуэтки I, 1a 2862 прорисована веточка с короткими насечками. Подобный орнамент типа «ёлочки» или «пальмовой ветви» встречается на аналогичных статуэтках⁹, в декоре и на клеймах некоторых светильников греко-римского и коптского периодов из собрания ГМИИ (I, 1a 2885, 2886, 2889, 3258). Еще четыре предмета (I, 1a 2815, 2816, 2819, 2820) являются головками от статуэток; пятый фрагмент представляет собой торс без головы (I, 1a 2817), на нем вертикальные черные полосы, имитирующие украшение платья. На головке I, 1a 2819 также сохранились следы черной краски, но черты лица сколоты. Две другие головки принадлежат к одному типу (I, 1a 2815, 2816), с треугольным головным убором; черты лица сильно стерты, и почти не просматриваются; черная краска сохранилась только на I, 1a 2816. Головка I, 1a 2820 имеет хорошую сохранность, но раскрашена красной краской и отличается по иконографии: небольшой треугольный головной убор без отверстий, лицо «кукольное», нос заостренный. Данная статуэтка относится к другому типу.

⁸ Кружки и полосы передают реальные орбикулы и клавиы на сохранившихся льняных коптских туниках (см. например: ГМИИ инв. № I, 1a 5194, 5823).

⁹ Из Элефантины: [Bailey, 2008, no. 3397]; из Эдфу: [Polaczek-Zdanowicz, 1974, Kat. Nr. 2–3, 7, 14, 20].

В римском и позднеантичном Египте наблюдается большое разнообразие форм женских статуэток: обнаженные и одетые в тунику фигурки, некоторые с поднятыми вверх руками (*orans*), некоторые держат ребенка (*kourotrophoi*), другие кормят ребенка (*lactans*), у одних руки касаются живота, у других – груди, у третьих – упираются в бедра. Статуэтки могут изображать сидящую, стоящую и полулежащую женщину. Одни очень грубые и слеплены вручную, другие отлиты в форме и ярко раскрашены [Frankfurter, 2015, p. 193–199; Ballet, 1991, p. 499–500]. Статуэтки из московского собрания представляют собой изображения женской фигуры с поднятыми вверх руками, трактованными довольно условно. Этот жест получил в литературе наименование «оранты», или «молящейся».

Тип оранты становится наиболее распространенным в иконографии позднеантичного искусства вне конфессиональных коннотаций [Strykowski, 1904, S. 244–245; Rowlandson, 1998, p. 349, ill. 45]: так, воздетые руки¹⁰ присутствуют уже на гробничных стелах из Теренутиса (III–IV вв.)¹¹. Молитвенный жест воздетых рук часто встречается на коптских надгробных стелах из Фаюма [Brown, 2013, p. 95, ill. 67; Thomas, 2000, fig. 31] и на рельефе из Оксиринха [Thomas, 2000, fig. 86], все они датируются V–VII вв. н.э. В собрании ГМИИ изображения орант встречаются на тканых церковных завесах, надгробных стелах, церковных деревянных панелях, штампах для литургического хлеба¹². Изначально жест воздетых рук являлся охранительным и означал защиту, благословение, покровительство божества (жест объятия); уже позднее он был переосмыслен как молитвенный.

К типу так называемых *орант* относят греко-египетские терракоты II–III вв., изображающие стоящих или сидящих в особой позе женщин¹³ (обнаженных либо в короткой тунике) со специфическим жестом поднятых вверх рук ладонями вовне [Bailey, 2008, p. 43]. Одну из разновидностей жеста оранты – разведенные в сторону руки – можно увидеть на статуэтках разных типов: обнаженных [Dunand et al., 1998, p. 135, fig. 20 (из оазиса Харга)], в одежде (I, 1a 2862), и как вариант – руки на талии или бедрах [Weber, 1914, Taf. XXIII, Nr. 230, 233], либо руки возле груди [Kaufmann, 1913, Abb. 75]. Экземпляры таких «ранних» типов орант есть и в коллекции ГМИИ (I, 1a 2706 и I, 1a 5981) [Васильева, Малых, 2021, илл. 4–5]. Д. Бэйли, в отличие от К. Полачек-Жданович [Polaczek-Zdanowicz, 1975, p. 135–139], менее прямолинеен в оценке преемственности эволюции таких фигурок; по его мнению, тезис об отсутствии перерыва в производстве женских божеств-апотропеев и *христианских* статуэток следует принимать с осторожностью. Однако изученный материал, как кажется, говорит о преемственности в почитании статуэток, именуемых благами божествами, а позднее – «орантами». Последних можно считать кульминацией традиции изготовления фигурок, относящихся к плодородию и имевших вотивное назначение (знак благодарности женщинам). Д. Бэйли в таких статуэтках видит изображение *святых*, а не простых смертных. В изображении последних такой жест воздетых рук действительно может означать молитвенное прошение, но в изображении божеств этот жест имеет значение апоτροпея и заимствуется от более ранних благих божеств [Bailey, 2008, p. 108]. П. Балле склонна видеть связь (прежде всего – иконографическую) статуэток-орант с некоторыми позднеримскими фигурками плодородия, однако подчеркивает, что коптские статуэтки

¹⁰ Этот характерный жест рук вызывает у исследователей различные толкования [Bailey, 2008, p. 43, со ссылками].

¹¹ См.: [Каковкин, 1984, с. 23–38, ил. 1–3; Rowlandson, 1998, p. 349, ill. 45]. Более поздние надгробные стелы из Фаюма и Оксиринха V–VII вв. см.: [Brown, 2013, p. 95, ill. 67; Thomas, 2000, fig. 31, 86].

¹² ГМИИ I, 1a 5835 (стела Матроны); I, 1a 6679 (фр-г завесы); I, 1a 5977 (резная панель); I, 1a 3291 (хлебный штамп).

¹³ Мужские фигуры-оранты встречаются редко: [Ballet, 1991, p. 502; Török, 1995, pl. XCIII, no. 169; Bailey, 2008, p. 53].

имеют явно христианскую коннотацию, на некоторых из них присутствует изображение креста либо висит крест [Ballet, 1991, p. 501].

Женские статуэтки делят на два основных типа по иконографическим и технологическим признакам и форме головного убора¹⁴.

Тип 1: статуэтки с большим круглым нимбом и с различным положением рук: поднятые/разведенные в стороны, упирающиеся в талию либо прикасающиеся к животу. Встречаются как сильно стилизованные фигуры в длинном платье, так и обнаженные статуэтки с четкими женскими формами (при этом со схематичными, условно показанными руками). Предшественники такого типа изображений – обнаженные «благие божества», или «статуэтки плодородия» [Bailey, 2008, no. 3122–3123; Bayer-Niemeier, 1988, Kat. Nr. 258–260], у которых аналогичная поза, но лучше проработаны формы тела и черты лица, дана пластика. Однако датировка этих фигурок остается под вопросом, т.к. их можно отнести и к римскому времени [Bailey, 2008, p. 49].

У рассматриваемых фигурок вокруг головы круглый диск, наподобие нимба. Такие «нимбы» раньше встречались в греко-римских терракотовых статуэтках богини Исиды¹⁵. Многочисленные статуэтки с «нимбами» происходят из монастыря Абу-Мина, их высота от 16,5 до 18,2 см¹⁶.

Тип 2: статуэтки-оранты в треугольном головном уборе, напоминающем кокошник, с поднятыми / разведенными в стороны руками, либо держащие на руках ребенка; фигура сильно стилизована, одежда представляет собой длинное платье или тунику.

Головной убор можно трактовать как прическу, увеличенную за счет большого цветочного венка (*стефаны*). В качестве аналогии можно привести уникальную статуэтку из собрания В.С. Голенищева I, 1a 2706, которая изображает стоящую обнаженную женщину с разведенными в стороны руками, на ее голове – высокий головной убор треугольной формы, напоминающий кокошник и украшенный цветами розы [Васильева, Малых, 2021, илл. 4]. На запястьях и лодыжках у статуэтки – браслеты; на груди – ожерелье в виде круглых дисков, в ушах – тяжелые крупные серьги, свисающие до плеч. Самая близкая аналогия московской фигурке имеется в Каирском музее, однако на ее голове – пышный венок, а не кокошник. Венок из роз может указывать на почитательницу богини Афродиты, участницу праздничной процессии в ее честь. Поэтому Ф. Дюнан помещает статуэтку «стоящей женщины» в раздел «служительницы, жрицы» (при этом указывая, что положение ее рук – это *жест оранты*) [Dunand, 1979, pl. LXVIII.122]. Еще одной аналогией является статуэтка из Берлина V в. н.э.: поза сходна с нашей и каирской, но на голове только пышная прическа из завитых волос [Philipp, 1972, Nr. 47, Abb. 43–44 (Berlin Inv. Nr. 9676)]. В датировке подобных статуэток (которые считаются женскими апотропеями), у исследователей наблюдается разброс от III–IV вв. н.э. [Kaufmann, 1913, S. 104]¹⁷ до византийского времени [Philipp, 1972, p. 32; Attula, 2001, Kat. 80]. На основании этих и других аналогий можно сказать, что головной убор типа «кокошник» является стилизованным изображением цветочного венка треугольной формы, обрамляющего волосы. Известны терракотовые статуэтки Исиды и ее служительниц с круглыми дисками венками-«нимбами», изображающими плоские стефаны / флоральные венки (греко-римский период)¹⁸. К. Капуто называет головные уборы

¹⁴ Первый тип изготовлялся смешанным способом (тело и голова путем оттиска в матрице, руки и аксессуары – путем ручной лепки), второй тип оттиснут в форме из двух матриц [Ballet, 1991, p. 500].

¹⁵ Например, ГМИИ I, 1a 2903.

¹⁶ Греко-римский музей Александрии, инв. № 18967, 18968; Берлин, Коллекция скульптур и Музей византийского искусства, инв. № 6032 [Frankfurter, 1998, fig. 18; Fluck, 2015, p. 137, fig. 153].

¹⁷ Кауфман относит ее к типу «стоящая оранта» [Kaufmann, 1913, Abb. 72–74].

¹⁸ [Török, 1995, p. 130]. Ср. венки на терракотах Исиды-Афродиты из ГМИИ I, 1a 2803, 2848, 2929 [Васильева, Малых, 2021, с. 166–197].

такого типа «килевидными» или «лопатообразными», причем подчеркивает, что это венки, а не прически [Caputo, 2024, p. 42–43].

Можно предположить, что и кокошники, и нимбы являлись праздничным головным убором, которые надевали женщины во время паломничества, в чем можно видеть аналогию с греко-римскими венками, которые носили участники религиозных процессий и пиршеств. В такого рода статуэтках акцент на глаза и головной убор сделан неслучайно – возможно, хотели подчеркнуть женскую сущность: украшения и убранство волос (наряду с благовониями) воспринимаются как социальный маркер женщины и ее положение в семье (прежде всего, как матери) [Bailey, 2008, p. 45–46; Frankfurter, 2015, p. 206]. Надо отметить, что подкрашивание глаз, украшения, праздничные венки на голове – все это имеет давнюю дохристианскую традицию, как египетскую, так и античную.

У двух типов статуэток присутствует общая черта: отверстия в ушах либо внизу прически. При этом только в типах с треугольным головным убором дырочки присутствуют также наверху «треугольника». Дырочки небольшие, отличаются от обычных петелек для подвешивания, хотя эту возможность нельзя исключить: например, верхнее отверстие служило для подвешивания, а два других – для серег [Ballet, 1991, p. 500]. Действительно, скорее всего, дырочки предназначались для вставки украшений в виде серег [Falck, 1996, S. 156–157, Kat. 124a], бусин на нити либо цветов. На статуэтках более раннего периода – сидящих орант, или «благих божеств» – встречаются большие сквозные отверстия в мочках ушей (например, ГМИИ I, 1a 5981), их назначение аналогичное¹⁹.

ДАТИРОВКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Д. Бэйли датирует подобные изображения VI–VII вв. н.э. и утверждает, что нельзя расширить эту датировку, даже при том, что обнаженные статуэтки с нимбами находят в более ранних слоях V в. н.э. [Bailey, 2008, p. 108]²⁰. Тем не менее, при указании аналогий к предметам из Британского музея Д. Бэйли приводит датировки V–VI вв. и контекст V–VII вв. н.э. [Bailey, 2008, p. 112–124]. Периодом IV–V вв. датируется одна из фрагментированных фигурок из Караниса [Bailey, 2008, p. 112, no. 3387]. На этом основании мы можем сделать вывод, что основная масса статуэток производилась в период с IV по VIII вв. н.э. (в частности, до конца существования поселения Джеме в Фивах).

Зафиксировано множество центров бытования подобных терракотовых фигурок; основные локации находок рассеяны по всему Египту. Тип с «кокошниками» зафиксирован в Верхнем Египте и Нубии: Афродито (юг Асиута), Вади Сарга (к югу от Асиута), Ахмим, Сохаг, Абидос, Антэополь (Кау эль-Кебир), Мединет-Абу (Джеме²¹), Медамуд, Армант, Эсна, Эдфу, Ком-Омбо, Асуан, Элефантина, Береника на Красном море, эпизодически – Мейнарти в Нубии. Закономерно много находок подобных статуэток в Асуане и на Элефантине, учитывая, что именно этот регион был одним из центров производства статуэток-орант с треугольным головным убором, поэтому этот тип иногда называют «асуанским».

Раскопки в Эдфу дают большое количество материала – фигурки «орант» разных типов (в том числе с треугольным головным убором), а также головки от статуэток встречаются

¹⁹ [Fjeldhagen, 1995, p. 126, cat. 109; Bayer-Niemeier, 1988, S. 157; Török, 1995, pl. LXXIX.148, XCV.174]. Такие серьги сохранились на статуэтке сидящей «оранты» из музея Вюрцбурга [Schmidt, 1994, S. 168, Kat. 277].

²⁰ Изображения называются «позднеримскими», термин «коптский» Д. Бэйли не использует.

²¹ Поселение близ притвора храма в Мединет-Абу, существовавшее с 600 по 780 гг. н.э. Здесь также существовала церковь св. Мины.

наряду с изображениями обнаженных женщин и так называемых «баубо» [Bruyere et al., 1937, pl. XXXIV.9–10; 1938, pl. XXXVII.7–8; 1939, pl. XXVII.38–43, 48].

В Среднем Египте оранты происходят из Антинополя, Гермополя и Фаюма. В Фаюме несколько веков существовал мощный центр производства терракот, названных «фаюмскими», и основная масса терракот греко-римского периода из музейных собраний относится именно к этому региону [Bagnall, Rathbone, 2004, p. 130]. Отсюда, предположительно, происходят позднеримские / коптские терракоты в виде ярко раскрашенных, «кукольных» женских статуэток, часто – с ребенком на руках [Philipp, 1972, Kat. Nr. 50, Abb. 47a, b]. Фрагментом подобной статуэтки, по всей видимости, является головка из собрания ГМИИ I, 1a 2820. Аналогичный предмет найден О. Рубенсоном в Теадельфии (Батн эль-Харит) в 1901–1902 гг. [Weber, 1914, S. 151, Abb. 89, Taf. 23.231a]. Однако в связи с фаюмскими находками встает вопрос с датировкой, поскольку основные города в оазисе были покинуты в IV – максимум начале V вв. н.э. Еще одна аналогия (непрямая) связана с находками в Каранисе: сильно стилизованная стоящая женская фигура из раскрашенной глины, руки разведены в стороны, на голове прическа в виде полукруга [Wilfong, 1997, p. 77–78, cat. 74].

Для Нижнего Египта был характерен тип с «нимбами», выявленный в Мемфисе, Телль эль-Яхудие, монастыре св. Мины (Абу-Мина) в 40 км к юго-западу от Александрии. Именно здесь обнаружено наибольшее число статуэток с «нимбами», причем их находили вместе с матрицами для оттиска вблизи гончарных мастерских Абу-Мины.

Монастырь св. Мины – один из четырех крупнейших паломнических центров византийского Египта, где почитался Мина – египетский солдат, служивший во Фригии и обезглавленный в конце III в. н.э. при Диоклетиане за отказ отречься от христианской веры. Тело Мины было переправлено в Египет по морю, и, согласно легенде, во время плавания чудесное пламя, исходившее от гроба, защитило корабль от нападения чудовищ. Уже на земле Египта сила святого помогла римской когорте одержать победу над варварами. Наконец, верблюды, везшие останки, остановились и не двинулись с места, что было воспринято как божественное указание на место окончательного упокоения святого [Niegorski, 2021, p. 2]. Первая стадия строительства паломнического центра относится к первой половине V в. н.э., ко второй половине V в. – строительство церкви [Stafford, 2019(2), p. 13]. Пик процветания монастыря Абу-Мина приходится на VI в.: были возведены церкви, баптистерий, гостиница для паломников, купальни и другие сооружения; разросся некрополь [Lembke et al., 2004, S. 113–114]. Некоторые помещения в Абу-Мине, в частности, двойной банный комплекс, дополнительная вторая купель при Баптистерии, построенная в VI в. н.э. строились для паломников-мужчин и паломников-женщин, следовательно, практика пребывания в этом месте женщин может считаться типичной. То, что в конце V и начале VI вв. эти помещения были расширены, говорит об увеличении числа паломников, особенно женщин [Stafford, 2019(1), p. 265; 2019(1), p. 20–21, 23]. В последующие столетия паломничество к этому месту возросло в геометрической прогрессии, и данный обширный церковно-торговый комплекс просуществовал до XII в. н.э. [Niegorski, 2021, p. 2]. Здесь процветала целая индустрия производства женских фигурок и ампул св. Мины, которые паломники распространили по всему Средиземноморью и даже за его пределами. Фигурки из монастыря св. Мины наглядно показывают интеграцию изображений женских божеств в христианскую ритуальную традицию, одновременно демонстрируя разнородность и пестроту последней (подробнее см.: [Малых, 2023]).

Происхождение московских статуэток-орант и их фрагментированных изображений неизвестно, за одним исключением. Так, относительно статуэтки I, 1a 2861 В.С. Голенищев записал (*WG.fichier 3111*): «Происходит с острова *Mansourieh* напротив Ком-Омбо» (совр. Нагаа эль-Джами). Неизвестно, сам ли он нашел эту вещь *in situ* (как неоднократно, бы-

вало) или записал провенанс со слов своего дилера. Статуэтка I, 1a 2862, по картотеке В.С. Голенищева, «похожа» на вышеозначенную (*WG ficher 4302*), однако о ее происхождении нет ни слова. Ничего не сказано и о головках от статуэток. Однако по аналогиям и по составу глины (см. ниже) совершенно понятно, что основная масса происходит из асуанско-элефантинского региона, и только одна – предположительно из Фаюма.

Контекст находок статуэток женщин также широкий.

Гробничный контекст. Довольно большое количество статуэток найдено в некрополях – в Гуробе, Антэополе, Антинополе, Эсне [Bailey, 2008, p. 112, 114 (nos. 3391, 3401)]. Подобный контекст у терракот хорошо известен еще со времен Нового царства [Анохина и др., 2022]; особенно много в погребениях находят фигурок женщин, нередко типа «роже-ниц»²², это связано с идеей плодородия и воспроизводства потомства, а также посмертного возрождения.

Домашний контекст. Находки в жилых домах засвидетельствованы в Каранисе, Ком эль-Дикке, Гераклеополе, Гермополе, Джеме, Эдфу, Элефантине, Бауте, Беренике, Хибисе [Wilfong, 1997, p. 74, 77; Bailey, 2008, p. 108; Caputo, 2024, p. 41].

Сакральный контекст предполагает находки на территории храмов, часовен святых либо монастырей: помимо уже упоминавшегося Абу-Мины, отметим монастыри в Атрибисе, Келлисе, Вади Сарга, Арманте, Манкабаде, территорию базилики в Гермополе [Bailey, 2008, p. 109–110; Caputo, 2024, p. 41]. Одним из важных центров паломничества были Асуан и Элефантина: на западном берегу Нила находился монастырь св. Симеона, основанный в VII в. [Bagnall, Rathbone, 2004, p. 242]. Находки матриц для оттиска статуэток были сделаны в жилых поселениях VI в. н.э. на территории двора бывшего храма Хнума на Элефантине [Ballet, Mahmoud, 1987, p. 61].

ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ЦЕНТРЫ ПРОИЗВОДСТВА

Крупными центрами массового производства терракотовой пластики позднеантичного Египта были, в первую очередь, монастырь Абу-Мина и район Асуана и Элефантины, а также Каранис, Антинополь, Манкабад, что удостоверяется обнаружением матриц для оттиска как статуэток, так и светильников и ампул [Caputo, 2024, p. 36]. Некоторые грубые фигурки вылеплены вручную – такова продукция в оазисах Дахла и Харга.

Разнообразие иконографии и технологии статуэток говорит в пользу существования мелких локальных мастерских, тогда как продукция двух главных центров (Абу-Мина и Асуан), очевидно, распространялась по всему Египту. Следует подчеркнуть, что тип статуэток-орант с «кокошниками» прочно связан с районом Среднего и Верхнего Египта, а тип женских статуэток с «нимбами» был распространен в Нижнем Египте. Продукция различных географических областей, по-видимому, была синхронна хронологически и обладала сходным назначением (хотя относительно этого предположения есть много вопросов) [Ballet, 1991, p. 501].

Из проанализированных семи керамических статуэток-орант из собрания ГМИИ пять можно с уверенностью атрибутировать как продукцию мастерских, располагавшихся в Асуане (включая Элефантину), на что указывает их глина, относящаяся к разновидности каолиновых глин различных оттенков розового цвета, в литературе называемых “Aswan kaolinite pink clay”. При этом статуэтки I, 1a 2861, I, 1a 2817, I, 1a 2819 и I, 1a 2815, I, 1a 2816 формируют две производственные группы, различающихся нюансами глиняного теста, что предполагает их изготовление в разных мастерских одного региона.

²² См., например, фигурку роженицы у входа в гробницу в оазисе Бахария, VI в. н.э., грубые лепные фигурки [Colin, Zanatta, 2006], а также фигурки «баубо» [Васильева, Малых, 2021, с. 224–226].

Статуэтка I, 1a 2862 сделана из каолининовой глины более тонкой текстуры и иного цвета – оранжевого, что позволяет отнести ее к третьему производственному центру асуанско-элефантинского региона.

Статуэтки I, 1a 2861, I, 1a 2862, I, 1a 2815, I, 1a 2816 и I, 1a 2819 оттиснуты в двусторонней форме; I, 1a 2817 сделана с использованием односторонней матрицы. Матричный способ широко использовался для изготовления терракотовой пластики еще в Птолемеевском и Римском Египте, однако низкое качество оттиска рассматриваемых статуэток-орант Византийского времени отчетливо демонстрирует упадок данной ремесленной традиции.

Последняя статуэтка I, 1a 2820 в рассматриваемой группе отличается не только способом изготовления – ручной лепкой без использования формы-матрицы, но и составом глиняного теста, основанного на нильском речном иле. Его текстура и характер примесей типичны для терракотовой пластики мастерских Фаюмского оазиса и Среднего Египта, что определяет место изготовления статуэтки I, 1a 2820.

Как мы говорили выше, наличие производства в Асуане и Элефантине подобных предметов подтверждено находками керамических форм-матриц для оттиска статуэток, также сформованных из асуанской каолининовой глины [Ballet, Mahmoud, 1987, p. 71, pl. XIV (doc. 13); Bailey, 2008, nos. 3391–3396, 3399] и морфологически близких московским предметам I, 1a 2862, I, 1a 2861, I, 1a 2815 и I, 1a 2816.

Другим крупным центром изготовления женских терракотовых статуэток был монастырь св. Мины в Абу-Мине, что иллюстрируется находками здесь как керамических матриц, так и самих фигурок [Kaufmann, 1910, Taf. 73–74, 82], однако их отличает не только глиняное тесто, но и иная иконография, прежде всего, форма головного убора и нагрудных украшений. Ни одной такой статуэтки в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина не представлено.

БЫТОВАНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ СТАТУЭТОК-ОРАНТ

Бытование статуэток следует рассматривать в контексте переходной эпохи распространения христианства и его окончательного утверждения в V в. н.э. [Maxwell, 2012, p. 850–851]. Для этого времени характерно устойчивое сохранение старинных религиозных практик, особенно в сфере «домашней религии» или «народных верований». До конца не ясно назначение этих статуэток, и даже их наименование является дискуссионным. Вполне корректной кажется трактовка Д. Бэйли, который считает данные статуэтки одновременно «защитными божествами» и «женскими святыми»²³, указывая, таким образом, на двойственность данного образа. Статуэтки-оранты создавались, видимо, для христианского населения, но изображали, по сути, божеств-апотропеев, которые, по желанию покупателя, могли быть интерпретированы как изображения святых. Таким образом, статуэтки можно считать «христианской версией» того, что несколько веков до этого именовалось «божествами-апотропеями». Рассмотрим несколько вариантов назначения статуэток.

Вотивные дары имеют значение прошения и благодарности, в зависимости от случая, объекты как средство обращения к Богу или святому в часовнях или других особо обозначенных местах. Наиболее вероятно отнести подобные статуэтки к числу вотивных приношений, которые встречаются в местах паломничества [Falck, 1996, S. 157]. Поскольку статуэтки изображают женщин, то скорее всего они и предназначались прежде всего для

²³ [Bailey, 2008, p. 107–108]. Д. Бэйли выделяет специальный раздел в своем каталоге (христианская религия и мифология) [Bailey, 2008, p. 112]. К. Капуто называет такие статуэтки *christian terracotta figurines* [Caputo, 2024]. Ср. варианты наименований в литературе: ‘Göttin’, ‘Totengöttin’, ‘Totenweib’ [Weber, 1914, S. 151], ‘Koptische puppen’ [Kaufmann, 1913, S. 104], ‘Matronetten’, ‘bemalte Heiligenfiguren’ [Kaufmann, 1910, Taf. 73–74]; ‘jouets coptes en terre cuite’ [Palanque, 1903].

женщин. Считается, что votivные статуэтки приносились в монастырь Абу-Мины женщинами для обретения детей²⁴. Согласно Коптскому панегирику, рождение самого святого Мины также было результатом чудесного вмешательства: его мать, Евфимия, обрела способность к зачатию благодаря усердным молитвам, обращенным к Деве Марии [Drescher, 1946, p. 132–133]. Первое чудо коптского сборника также описывает исцеление Миной бесплодной верблюдицы [Drescher, 1946, p. 110–111]. Данная тема получает дальнейшее развитие в нубийских источниках, в которых описывается эпизод, где святой дарует плодородие всему дому, одновременно исцеляя бесплодную хозяйку, ее служанок и скот [Griffith, 1913, p. 10–14]. Св. Мина также охранял женщин, путешествующих к его святилищу для мольбы о рождении детей. Так, в одном из чудес коптского сборника святому удается предотвратить нападение солдата на бездетную женщину из Филоксениты, направлявшуюся к его святилищу [Drescher, 1946, p. 116–118]. В другом случае Мина является и спасает от подобной опасности самаритянку, остановившуюся на ночлег по пути в Абу-Мину [Drescher, 1946, p. 119–123; Stafford, 2019(1), p. 258–259]. Эти нарративы подчеркивают роль св. Мины как божественного защитника, покровительствовавшего зачатию и рождению детей, что обусловило популярность его святилища среди паломников-женщин.

В Египте практика паломничества к местам, связанным со святыми мучениками, на могилах которых творились чудеса (что, в частности, и привлекало большое количество людей к христианству), набирает силу с III–IV вв. н.э. С IV в. развивается культ почивших и здравствующих святых – пророков, целителей, проповедников, отшельников (например, Антония Великого, Иоанна Ликопольского, Шенуте из Атрибиса). Однако большинство часовен в Египте было посвящено мученикам: Кир и Иоанн (инкубация и исцеление), часовня св. Филоксена в Оксирихе (оракул), св. Коллуф в Антинополе (инкубация, исцеления, оракул), святые Аполлон и Фиб в монастыре Аполлона в Бауте [Bagnall, Rathbone, 2004, p. 171–172, 175–178; Incordino, 2022, p. 228; Войтенко, 2019, с. 938–957], где исцеления происходили через прикосновение к гробнице и, возможно, опосредованно – через специально изготовлявшиеся при монастыре терракотовые статуэтки. Считалось, что такие фигурки способствуют зачатию и родам [Perdrizet, 1921, p. 5–6]. Как отмечает Д. Франкфуртер, святые-заступники, почитаемые в конкретных локациях, таким образом интегрировались в христианский пантеон наряду с мучениками [Frankfurter, 2021, p. 100].

Мы отмечали, что одним из известнейших был монастырь Абу(апа)-Мина и святой Феклы, расцвет которого приходится на период V–VIII вв. н.э. Феномен паломничества женщин в этот монастырь засвидетельствован многочисленными археологическими и письменными источниками. Женщины стекались в монастырь просить помощи святого в надежде забеременеть либо о помощи в родах и благополучном материнстве. Центральное место в ритуальной практике занимала инкубация – проведение ночи вблизи крытых святого, что, как считалось, приносило благословение и исцеление. Поэтому дома для паломников строились в непосредственной близости к месту захоронения святого [Bagnall, Rathbone, 2004, p. 118] (похоже на старинную практику инкубации в храме).

Обратим внимание на культ св. Феклы, изображение которой иногда помещали на обороте ампул св. Мины. Ее культ был особо популярен в Египте, хотя происходит из Малой Азии и по известности мог сравниться только с почитанием св. Мины (по одной из версий, он был сыном св. Феклы) [Каковкин, 1981, с. 140]. Большинство статуэток-орант с нимбом связано с монастырем Абу-Мина и найдены внутри пространства базилики св. Мины. Раскопки в Абу-Мине выявили огромное количество таких изделий – только в ходе работ К. Кауфмана было порядка 400 торсов и 50 головок от статуэток, а также фрагментов фигурок [Engemann, 2016, p. 119]. Большинство из них, высотой 15–20 см, изготавливались

²⁴ С провенансом из раскопок Абу-Мины [Falck, 1996, Kat. 126].

в формах или вручную из характерной бледно-желтой или светло-бежевой глины, что позволяет атрибутировать находки из других коллекций (например, из Музея изящных искусств в Будапеште) как произведенные в этом центре [Török, 1993, p. 41, 43–44; Bangert, 2010, p. 307]. Эти статуэтки, наряду с ампулами для святого масла, функционировали как сувениры для паломников.

Аналогичные практики зафиксированы и в других центрах. В монастыре Апы Нефера в Асиуте (Манкабад) наличие монументального банного комплекса, сотен клейменных сосудов (возможно, для ритуальной воды), граффити с молитвами, а также крупной керамической мастерской, указывает на его статус важного паломнического центра, где, по аналогии с Абу-Миной, вероятно, существовал культ, связанный с женской фертильностью [Incordino, 2022, p. 233–236]. У гробницы св. Коллуфа в Антинополе обнаружено 84 терракотовые фигурки, которые можно трактовать как votivные дары, оставленные женщинами с мольбой о беременности или в благодарность за исцеление; некоторые из них, после контакта с мощами, могли забираться обратно в качестве святынь [Incordino, 2022, p. 227–228]. Таким образом, сеть паломнических центров с общей практикой почитания святых-целителей, материальным выражением которой были массово производимые терракотовые votivные фигурки, охватывала значительную часть Египта.

В это же время продолжали функционировать нехристианские центры паломничества, в частности, оракул Бэса в Абидосе (II–VIII вв. н.э.), культ Шаи-Агатодемона в Атрибисе (IV–V вв. н.э.), культ Исиды Целительницы Менутис близ Александрии (существовал до V в. н.э.) [Frankfurter, 2005, p. 271–274]. Статуэтка, подобная I, 1a 2861, была найдена в Эдфу и названа ex-voto 'orans' в честь Исиды-Афродиты [Alliot, 1933, pl. XV.6; cf. pl. XV.2]. Означает ли это, что аналогичные статуэтки могли служить votivными приношениями как в христианские, так и языческие святилища? Контекст статуэток говорит больше в пользу их votivного назначения²⁵, но их также могли забирать из монастыря как знак благоволения святого, как прежде – знак покровительства некоего божества, связанного с плодородием.

Сувениры или благословения со святого места. Подобные объекты распространялись в центрах паломничества, например, в монастыре Абу-Мина. Изготовление подобных фигурок могло быть частью своеобразной пропаганды культа определенного святого, ведь «сувенир» разносился по городам и весям и становился объектом культа в домашних святилищах. Собственно, здесь нет расхождения с аналогичной практикой паломничества в более древние эпохи [Frankfurter, 1998, p. 171–176]. Т.н. сувениры паломников по своему назначению близки фигуркам, бытовавшим до принятия христианства, а именно «благим божествам», которые помогали, прежде всего, женщинам, имея отношение к женской фертильности и материнству. Одновременно они использовались как оберег от сглаза.

Объект культа в домашних алтарях / святилищах. Примыкает к предыдущему пункту и, по сути, является его развитием. Наиболее многочисленные находки в домах Египта были сделаны в районе Ком эль-Дикка в Александрии [Martens, 1975].

По всему Средиземноморью археологически засвидетельствованы многочисленные примеры домашних алтарей – специальные места для почитания и хранения семейных святынь, где были представлены изображения предков, святых, наподобие найденных в Помпеях домашних божков в шкафах и расписных нишах в домах Фаюма. Аналогичная традиция бытования в домашнем контексте была и у греко-римских терракот. Очевидно, что подобного рода изображения-апотропеи зачастую могли не иметь четкой конфессиональной идентичности (святой либо божество / демон) [Frankfurter, 2015, p. 210–212]. Согласно коптским житийным источникам, язычники в V в. имели в домах изображения местных

²⁵ Так считает К. Кауфманн, приравнивая их по своему назначению к votivным пластинкам, изображающим обнаженную богиню с ребенком [Kaufmann, 1913, S. 104].

богов, и при входе в дом они им кланялись²⁶. Поскольку их находят в домах, то очевидно, что они бытовали как апотропеи женской сферы, а впоследствии могли размещаться в гробницах.

Многие статуэтки найдены с отбитыми головами, и наоборот, многие головки найдены отдельно, без тела. В оазисе Харга в домашнем контексте найдены лепные статуэтки, многие из которых были изначально без головы, по непонятным причинам [Incordino, 2022, p. 226]. Отдельные головки без тела, как и торсы без голов, были обнаружены К. Кауфманном в Абу-Мине [Kaufmann, 1910, Taf. 74]. В греко-римских терракотах есть примеры разбитых и склеенных головок; некоторые исследователи предполагают, что практиковалось ритуальное разбивание, отбивание головы у такой фигурки для защиты от порчи и зла ее обладательницы²⁷. К. Капуто предположила, что разбивание могло быть связано с двумя факторами: внезапная смерть обладательницы фигурки (тогда перед помещением в гробницу вещь могли разбить), либо исполнение пожелания, мольбы, с которой женщина обращалась к святому (зачатие или рождение младенца, и проч.); таким образом уничтожалась предшествующая неблагоприятная ситуация. Цельные фигурки, с точки зрения К. Капуто, могли свидетельствовать, напротив, о неисполнении пожелания и ее консервации. Однако разбитые фигурки часто находят на свалках у жилых кварталов и некрополей, и это мешает точному пониманию данного обряда [Caputo, 2024, p. 49]. К тому же по статуэткам невозможно различить намеренное и ненамеренное разбивание: обычно эти вещи ломаются в наиболее уязвимых местах – шея, ноги или руки. Точно такая же картина будет и в случае намеренного разбивания²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для переходной эпохи от поздней античности к раннему средневековью (и от язычества к христианству) характерно устойчивое сохранение религиозных практик, не зависящих от конфессиональной принадлежности [Maxwell, 2012, p. 851]. Это касается прежде всего сферы так называемой «домашней религии» или «народных верований», где продолжали свое существование в том или ином виде культы прошлых веков. В частности, амулеты и обереги могли использовать как христиане, так и язычники. Разнообразные женские терракотовые статуэтки V–VII вв. н.э., производство которых падает на период становления христианства в Египте, засвидетельствованы от Асуана до Александрии. Не зафиксированные ни в одном тексте, эти фигурки являются свидетельствами местных религиозных или «народных» практик.

Материальные свидетельства говорят о том, что т.н. сувениры (или вотивы) паломников по своему назначению близки статуэткам, бытовавшим задолго до принятия христианства – фигурки «благих демонов», божеств-апотропеев, которые помогали прежде всего женщинам – поэтому и изображали они женщин. Речь идет не о пережитках язычества, а о непрерывном существовании традиции, которая продолжала функционировать под эгидой христианства до самого прихода ислама, а по сути – и позднее. Именно в таких небольших объектах сохраняется культурная («народная») память, это своего рода «живые» формы религии. Люди просто продолжали делать то, что делали их предки на протяжении веков – то есть обращаться с конкретными прошениями к сверхъестественному существу («бла-

²⁶ Похвальное слово в честь Макария Ткоуского (епископа Антеополя (Ткоу) / Кау эль-Кебир, 451–452 гг.) [Frankfurter, 2015, p. 211].

²⁷ [Frankfurter, 2015, p. 214]. Возможно ритуальное разбивание одной из статуэток в Джеме [Wilfong, 2002, p. 115–116].

²⁸ Устное сообщение С.Е. Малых.

гое божество», предок либо святой) [Frankfurter, 2005, p. 267–269]. «Народная» культовая практика в данном случае понимается как синоним «частной», «домашней» религии, то есть находящейся вне официального культа. Ее формирование происходит уже в конце II в. н.э., когда с угасанием храмовых культов повышается роль личного, домашнего благочестия и культовой практики. Как считают некоторые исследователи, недорогой материал данных статуэток может говорить о невысоком социальном статусе их обладательниц, в отличие от бронзовых вотивных приношений [Incordino, 2022, p. 228–229], однако следует скорее согласиться с мнением о том, что данные ритуальные формы маркировали определенную традицию, принятую у женщин на протяжении нескольких поколений во всех слоях населения [Frankfurter, 2005, p. 267].

Терракотовые статуэтки орант прекрасно иллюстрируют религиозную специфику в позднеегипетский период, наложившиеся друг на друга верования и религиозные практики, в которых не было разрыва между верой предков и христианством. Они являются свидетельством устойчивости прежних верований и параллельного существования двух традиций. В то же время, эти фигурки наглядно показывают постепенную религиозную трансформацию и связанное с ней появление новых художественных форм.

Статуэтки орант можно считать «потомками» более ранних аналогичных типов женских статуэток II–III вв., т.н. *благих божеств*. Таким образом, фигурки-апотропеи, защищающие женщин и их отпрысков, продолжают существовать уже в христианском контексте. Последний факт обусловил иконографическую специфику данных изображений: более поздние образцы V–VII вв. представляют женскую фигуру, стилизованную до «идеограммы фертильности» и исключительно в одежде [Török, 1995, p. 130].

Формы и стили могли меняться, однако назначение подобного рода статуэток оставалось примерно одинаковым, ведь их находят не только на территории монастырей, т.е. паломнических центров, но и в обычном для терракот контексте (гробничном и домашнем). Однако, как указывает Д. Бэйли, нельзя с уверенностью сказать, что данный тип фигурок ведет свое происхождение от языческих божеств (апотропеев), поскольку точная хронология не установлена ни для одной из групп²⁹. В отличие от него, К. Кауфманн и Л. Тёрок более уверены в том, что тип оранты является преемственным. Переходными формами предложено считать «пластических» орант (с обнаженными телами), у которых появляются стилизованные руки – это происходит в конце IV в. н.э. [Török, 1995, p. 130]. Именно в этот период начинается неуклонное распространение христианства, окончательно утвердившееся в позднеантичном мире, как принято считать, в V в. [Maxwell, 2012, p. 850]³⁰. Общим для ранних и поздних терракот является круглый нимб [Kaufmann, 1913, S. 104–107]. По сути, все фигурки, кого бы они ни изображали – Деву Марию [Bailey, 2008, p. 114, no. 3401], святых, или «статуэтку плодородия», были связаны с защитой женской сферы – обеспечение фертильности, благополучной беременности и родов, и впоследствии выращивания здорового потомства.

Перед нами свидетельства зарождающейся практики женского паломничества с целью обращения к конкретному святому с просьбой об исцелении и благополучном материнстве. Подобная практика находит свое подтверждение в письменных и археологических источниках [Talbot, 2002; Stafford, 2019(1); 2019(2)]. Формально относящиеся к христианскому благочестию, фактически эти памятники своим корнями уходят в глубину веков. Их назна-

²⁹ Так, статуэтки «благих божеств» еще находят в слоях IV в. н.э. [Petrie, 1889, pl. XXI]. Локальный вариант стоящих фигур-апотропеев найдены в погребении в Душе, в оазисе Харга, и датируются IV–VII вв. н.э. [Dunand et al., 1998, p. 130, 135, fig. 20].

³⁰ На основании данных ономастики к 400 г. 90 % населения Египта было христианским [Clarysse, Depauw, 2013, p. 410].

чение в основном votivное, но не исключена и многофункциональность данных предметов, а также возможность их переиспользования как в сакральном, так и в домашнем контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анохина Е.А., Малых С.Е., Смоленкова В.В., Томашевич О.В. Две глиняные женские статуэтки из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 245–263. [Anokhina E.A. Malykh S.E., Smolenkova V.V., Tomashevich O.V. Two Clay Female Figurines in the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow. *Vostok. (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 245–263 (in Russian)].

Васильева О.А. «Последние дни язычества в Дейр эль-Бахри»: маска и пелена III в. из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 246–262 [Vasilyeva O.A. ‘Last Days of Paganism’: A Third-Century Funerary Mask and Shroud from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 246–262 (in Russian)].

Васильева О.А., Малых С.Е. Египетские терракоты как отражение «народной» религии: служительницы культа и женские статуэтки плодородия из коллекции В.С. Голенищева (ГМИИ им. А.С. Пушкина). *Восток (Oriens)*. 2021. № 1. С. 213–229 [Vasilyeva O.A., Malykh S.E. Egyptian Terracotta Figurines as a Reflection of “Popular” Religion: Cult Devotees and Female Figurines of Fertility from the Collection of V.S. Golenischev (Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 1. Pp. 213–229 (in Russian)].

Войтенко А.А. Культ св. Аполлона и Фиба в позднеантичном Египте. *Вестник древней истории*. 2019. № 4. С. 938–957 [Voitenko A.A. The Cult of St. Apollo and Phib in Late Antique Egypt. *Journal of Ancient History*. 2019. No. 4. Pp. 938–957 (in Russian)].

Каковкин А.Я. Коптский тканый медальон с изображением мученичества св. Феклы. *Византийский временник*. 1981. № 42. С. 139–142 [Kakovkin A.Ya. Coptic woven medallion depicting the martyrdom of St. Thecla. *Vizantiyskiy vremennik* (= *The Byzantine Annals*). 1981. No. 42. Pp. 139–142 (in Russian)].

Каковкин А.Я. Стелы группы «Ком Абу Билу» в собрании Эрмитажа. *Скульптура в музее*. Ред.: С.О. Андросов. Л.: Государственный Эрмитаж, 1984. С. 23–38 [Kakovkin A.Ya. Steles of the Kom Abu Bilu group in the Hermitage collection. *Sculpture in the museum*. S.O. Androsov (ed.) Leningrad: The State Hermitage Publ., 1984. Pp. 23–38 (in Russian)].

Малых С.Е. Египетские сосуды св. Мины V–VII вв. н.э. в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Византийский временник*. 2023. № 107. С. 170–189 [Malykh S.E. Egyptian Vessels of St. Menas of the 5th–7th Centuries in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. *Vizantiyskiy vremennik* (= *The Byzantine Annals*). 2023. Vol. 107. Pp. 170–189 (in Russian)].

Alliot M. *Rapport sur les fouilles de Tell Edfou*. Le Caire: IFAO, 1933.

Attula R. *Griechisch-römische Terrakotten aus Ägypten. Bestandskatalog der figürlichen Terrakotten*. Rostock: Institut für Altertumswissenschaften, Klassische Archäologie, 2001.

Bagnall R.S., Rathbone D. *Egypt from Alexander to the Early Christians: An Archaeological and Historical Guide*. Los Angeles, London: Getty Publications, 2004.

Bailey D. *Catalogue of the Terracottas in the British Museum*. Vol. IV. *Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London: British Museum Press, 2008.

Ballet P. Ceramics, Coptic. *Coptic Encyclopedia*. Vol. II. Aziz S. Atiya (ed.) New York: Macmillan Publishing Company, 1991. Pp. 480–504.

Ballet P., Mahmoud F. Moules en terre cuite d'Éléphantine (Musée copte). Nouvelles données sur les ateliers de la région d'Assouan à l'époque byzantine et aux premiers temps de l'occupation arabe [avec 6 planches]. *Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1987. No. 87. Pp. 53–72

Bangert S. The Archaeology of Pilgrimage: Abu Mina and Beyond. *Religious Diversity in Late Antiquity*. D. Gwynn, S. Bangert (eds.) Leiden: Brill, 2010. Pp. 291–327.

Bayer-Niemeier E. *Griechisch-römische Terrakotten. Wissenschaftliche Kataloge des Liebieghaus – Museum alter Plastik, Frankfurt am Main*. Melsungen: Gutenberg, 1988.

Brown P. *The World of Late Antiquity 150–750*. London: Thames and Hudson, 2013.

Bruyere B., Manteuffel J., Michałowski K., Sainte Fare Garnot J. *Rapport sur les fouilles de Tell Edfou. Fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale*. Vol. I–III. Le Caire: IFAO, 1937–1939.

Caputo C. Christian Terracotta Figurines from el-Ashmunein in the Museo Egizio, Turin. *Rivista del Museo Egizio*. 2024. No. 8. Pp. 35–53.

Clarysse W., Depauw M. How Christian was Fourth Century Egypt? Onomastic Perspectives on Conversion. *Vigiliae Christianae*. 2013. No. 67. Pp. 407–435.

Colin F., Zanatta S. Hermaphrodite ou parturiente? Données nouvelles sur les humanoïdes de terre crue en contexte funéraire (Qaret el-Toub, Bahariya 2005). *Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2006. No. 106. Pp. 21–56.

Drescher J. *Apā Mena: A Selection of Coptic Texts Relating to St. Menas, edited, with translation and commentary*. Le Caire: IFAO, 1946.

Dunand F. *La religion populaire en Égypte Romaine. Les terres cuites isiaques du Musée du Caire*. Leiden: Brill, 1979.

Dunand F., Heim J.-L., Lichtenberg R. La vie dans l'extrême: Douch, I^{er} s.è. chr. – IV^e s.è. chr. *Life on the Fringe: Living in the Southern Egyptian Deserts during the Roman and Early-Byzantine Periods*. O. Kaper (ed.) Leiden: CNWS Publications, 1998. Pp. 95–138.

Engemann J. *Abū Mīnā VI. die Keramikfunde von 1965 bis 1998*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2016.

Falck M. (Hrsg.) *Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil: Katalog zur Ausstellung*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 1996.

Fjeldhagen M. *Catalogue Graeco-Roman Terracottas from Egypt*. Ny Carlsberg Glyptotek. Copenhagen: Ny Carlsberg Glyptotek, 1995.

Fluck C. *Egypt: Faith After the Pharaohs*. London: British Museum, 2015.

Frankfurter D. *Religion in Roman Egypt. Assimilation and Resistance*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Frankfurter D. Beyond Magic and Superstition. *A People's History of Late Antique Christianity*. V. Burrus (ed.) Minneapolis: Fortress Press, 2005. Pp. 255–284.

Frankfurter D. Female Figurines in Early Christian Egypt: Reconstructing Lost Practices and Meanings. *Material Religion*. 2015. No. 11 (2). Pp. 190–223.

Frankfurter D. *Christianizing Egypt. Syncretism and Local Worlds in Late Antiquity*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2021.

Griffith F. *The Nubian texts of the Christian period*. Berlin: Verlag der Königl. akademie der wissenschaften, 1913.

Incordino I. Terracotta Female Figurines from the Monastery of Manqabad (Asyut, Egypt): Analysis and Possible Function. *Archiv Orientalní*. 2022. No. 90. Pp. 219–239.

Kaufmann C.M. *Ägyptische Terrakotten der griechisch-römischen und koptischen Epoche*. Leipzig, Kairo: F. Diemer, Finck & Baylaender, 1913.

Kaufmann C.M. *Die Menasstadt und das Nationalheiligtum der altchristlichen Aegypter in der westalexandrinischen Wüste. Ausgrabungen der Frankfurter Expedition am Karm Abu Mina 1905–1907*. Bd. I. *Text und Tafeln*. Leipzig: Hiersemann, 1910.

Lembke K., Fluck C., Vittmann G. *Agyptens späte Blüte. Die Römer am Nil*. Mayence: Philipp von Zabern, 2004.

Martens M. Figurines en terre-cuite coptes. Découvertes à Kôm el-Dikka (Alexandrie). *Bulletin. Société Archéologie d'Alexandrie*. 1975. No. 43. Pp. 53–56.

Maxwell J. Paganism and Christianization. *Oxford Handbook of Late Antiquity*. S.F. Johnson (ed.) Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 849–875.

Niegorski A. M. Artifacts of Early Christian Pilgrimage at the Hallie Ford Museum of Art. Part 1 (Menas Flasks). *Academia Letters*. 2021. Pp. 1–11.

Palanque Ch. Notes sur quelques jouets coptes en terre cuite. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1903. T. 3. Pp. 97–103.

Papaconstantinou A. *Le culte des saints en Égypte des Byzantins aux Abbassides. L'apport des sources papyrologiques et épigraphiques grecques et coptes, Le monde byzantine*. Paris: CNRS Editions, 2001.

Perdrizet P. *Les terres cuites grecques d'Égypte de la collection Fouquet*. Vol. I. Nancy-Paris: Berger-Levrault, 1921.

Petrie W. M. Fl. *Hawara, Biahmu, and Arsinoe*. London: Field & Tuer, 1889.

Petrie W. M. Fl. *Ehnasya*. London: Egypt Exploration Fund, 1905.

- Philipp H. *Terrakotten aus Ägypten im Ägyptischen Museum Berlin*. Berlin: Gebr. Mann, 1972.
- Polaczek-Zdanowicz K. Figurki orantek koptyjskich pochodzące z polsko-francuskich wykopalisk w Edfu. *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 1974. T. 18. Pp. 187–211.
- Polaczek-Zdanowicz K. The genesis and evolution of the orant statuettes against a background of developing Coptic art. *Etudes et Travaux*. 1975. No. 8 (16). Pp. 136–149.
- Rowlandson J. *Women and Society in Greek and Roman Egypt. A sourcebook*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Schmidt E. *Katalog der antiken Terrakotten*. T. I. *Die figürlichen Terrakotten*. Mainz am Rein: P. von Zabern, 1994.
- Stafford G. Early Christian Female Pilgrimage to the Shrines of Saint Menas, Saint Simeon the Elder, and Saint Thecla. *Studies in Late Antiquity*. 2019(1). No. 3 (2). Pp. 251–293.
- Stafford G. Evidence for Female Pilgrims at Abu Mina. *Transmitting and Circulating the Late Antique and Byzantine Worlds*. M. Ivanova, H. Jeffery (eds.) Leiden: Brill, 2019(2). Pp. 11–43.
- Strygowski J. *Koptische Kunst: catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Vienne: A. Holzhausen, 1904.
- Talbot A.-M. Female Pilgrimage in Late Antiquity and the Byzantine Era. *Acta Byzantina Fennica*. 2002. Vol. 1. Pp. 73–88.
- Thomas H. *Late Antique Funerary Sculpture. Images for this World and the Next*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Török L. *Coptic Antiquities*. Vol. 1. Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 1993.
- Török L. *Hellenistic and Roman Terracottas in Egypt*. Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 1995.
- Weber W. *Die ägyptisch-griechischen Terrakotten*. (Königliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der ägyptischen Sammlung, II). Berlin: K. Curtius, 1914.
- Wilfong T.G. *Women and Gender in Ancient Egypt: From Prehistory to Late Antiquity*. Ann Arbor: Kelsey Museum of Archaeology, 1997.
- Wilfong T.G. *Women of Jeme: Lives in a Coptic Town in Late Antique Egypt*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАСИЛЬЕВА Ольга Александровна –
кандидат исторических наук, зав. Отделом
Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия.

Olga A. VASILYEVA, PhD (History), Head of
the Department of the Ancient Orient, Pushkin
State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia.

ДАВЫДОВА Ольга Александровна –
младший научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Olga A. DAVYDOVA, Junior Research Fellow,
Institute of World History, Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia.



Рис. 1. Терракотовая статуэтка-оранта (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2862 (ИГ 4302))

Fig. 1. Terracotta figurine in the orans posture

(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2862 (IG 4302))



Рис. 2. Терракотовая статуэтка-оранта (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2861 (ИГ 3111))

Fig. 2. Terracotta figurine in the orans posture

(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2861 (IG 3111))



Рис. 3. Голова терракотовой статуэтки-оранты (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2819 (ИГ 3062))

*Fig. 3. Head of a terracotta figurine in the orans posture
(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2819 (IG 3062))*



Рис. 4. Тело терракотовой статуэтки-оранты (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2817 (ИГ 6132))

*Fig. 4. Body of a terracotta figurine in the orans posture
(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2817 (IG 6132))*



Рис. 5. Голова терракотовой статуэтки-оранты (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2815 (ИГ 3063))

*Fig. 5. Head of a terracotta figurine in the orans posture
(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2815 (IG 3063))*



Рис. 6. Голова терракотовой статуэтки-оранты (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2816 (ИГ 3064))

*Fig. 6. Head of a terracotta figurine in the orans posture
(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2816 (IG 3064))*



Рис. 7. Голова терракотовой статуэтки-оранты (© ГМИИ, инв. № I, 1а 2820 (ИГ 3072))

*Fig. 7. Head of a terracotta figurine in the orans posture
(© Pushkin State Museum of Fine Arts, inv. no. I, 1a 2820 (IG 3072))*